

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова, Т.В. Коростелева*Ростовский государственный**экономический университет,**г. Ростов-на-Дону, Россия,*

brusenskaya_l@mail.ru

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРИЕМОВ¹****[Lyudmila A. Brusenskaya, Ella G. Kulikova, Tatyana V. Korosteleva****Lexicography as a way of representing the manipulative techniques]**

Phenomenon of verbal manipulation is analyzed from the point of view of the possibility to create a dictionary of manipulative techniques, which will contribute to the recognition of manipulative influence, adequately respond to it and, therefore, provide informational and psychological safety of the speech addressee. When manipulating the addressee, as a rule, the choice is not even offered, the addressee is simply pushed to the choice, while the thesis, which the manipulator explicitly protects, is not formulated. When manipulating, there is more uncertainty than even with a direct lie. It is possible to present similar examples of verbal manipulation in lexicography. Modern dictionary is highly sociolinguistic: linguistic and cognitive information contained in it should be closely associated with a specific chronotope and the social order. This fully applies to the dictionary of manipulative techniques. In the dictionary of manipulative techniques there will be selected techniques, the use of which can mostly characterize certain discursive practices.

Key words: speech influence, argumentation, verbal manipulation, lexicography, dictionary of manipulative techniques.

До сих пор нет словаря речевых манипулятивных техник, о котором упоминалось в статье В.Д. Девкина о «неродившихся словарях». Причем, В.Д. Девкин подчеркивал особую сложность создания такого словаря, ср.: «... интересны для прагмалингвистики, но очень сложны для составления словаря манипулятивных речевых техник, типовых конструкций осуществления разных типов обмана, введения в заблуждение, моделей лицемерных, ханжеских высказываний и т.п.» [3]. В работе И.В. Беляевой [2], посвященной лин-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-012-00085

гвоюридическим аспектам вербальной манипуляции, есть отдельная глава о словаре манипулятивных техник. Стратегии манипуляции неотделимы ни от субъекта речи, ни от его интенций, а речевая манипуляция описывается в лингвистике с применением категорий пресуппозиций, подтекста, с учетом имплицитных компонентов. Тем не менее возможно представление в лексикографии однотипных примеров вербальной манипуляции. «Повторяясь регулярно в типичных речевых актах манипулирования, разноуровневые единицы типизируются в качестве маркеров феномена манипуляции, а значит – могут быть описаны на уровне словаря», – пишет И.В. Беляева [2, с.169]. Указанный автор видит словарь манипулятивных техник как идеографический: собственно языковая информация в нем выступает в роли иллюстрации применения того или иного приема.

Как известно в теории лексикографии, созданию любого лексикографического справочника предшествуют три этапа: 1. Этап планирования словаря (the dictionary plan); 2. этап разработки основы словаря (the lexicographic file); 3) этап написания/составления текста словаря (dictionary). Чем тщательнее проработаны теоретические основы словаря, тем более он будет соответствовать своим внутренним целям. Естественно, что созданию словаря манипулятивных приемов должна предшествовать теоретическая разработка проблем манипулятивной коммуникации. Неоднозначность и сложность в определении манипуляции делают ее актуальной проблемой многих гуманитарных наук – не только лингвистики, но и политологии, социологии, юриспруденции.

Широко признано такое соотношение понятий «речевое воздействие» и «манипуляция»: первое является гиперонимом по отношению ко второму. В рамках речевого воздействия различают убеждение (осуществляемое с помощью логических аргументов), приказ и манипулирование. Однако не менее распространено расширительное представление о манипуляции, даже отождествление убеждения и манипулирования. Но, как справедливо заметил П.П. Лобас, тогда мы будем вынуждены признать манипулированием два основных вида красноречия, выделенные еще Аристотелем: судебное и совещательное. На самом деле у говорящего всегда есть выбор между аргументированным убеждением и манипулированием, и далеко не все политические ораторы действуют в логике «колдунов» – в противном

случае социальный мир превратился бы в фантазмагорию тотального гипноза. И даже в тоталитарных дискурсах наряду с манипулированием применяется честное убеждение, базирующееся на аргументах, которые могут быть верифицируемы [8, с. 12-13].

Представление о тождественности убеждения и манипулирования основано на том, что у любой речи есть универсальные черты – интерпретативность, неотделимая от альтернатив. Интерпретативность затрагивает все уровни языковой системы – от лексемы до гипертекста, способность к интерпретативности фактически определяет функционирование речи. А так как вербальная интерпретативность свойственна всем сферам общественного сознания, создается впечатление всеобщей субъективности и пристрастности. Хорошо известны и описаны способы различных интерпретаций: в разнообразных вербальных моделях элиминируются или появляются какие-либо свойства или элементы, по-разному происходит акцентуация и оценка, используются синонимы (не дублиеты), в том числе и на уровне синтаксических конструкций.

Манипуляция (понимаемая как скрытное, то есть неявное для адресата воздействие с отрицательной интенциональностью адресанта) есть деструктивное социальное явление, разрушающее как личность, так и общество в целом. При манипулировании адресату, как правило, выбор даже не предлагается, адресат просто подталкивается к выбору, при этом тезис, который эксплицитно защищает манипулятор, не формулируется. В этом смысле при манипулировании возникает бóльшая неопределенность, чем даже при прямой лжи. Для манипуляции свойственно стремление проникнуть в когнитивные процессы, желание навязать потенциальному коммуниканту особую картину мира. Манипулирование, таким образом, может также воплощаться в развитии выгодного (нужного) отправителю сообщения аспекта при сознательном умолчании о других. Такие случаи легко можно отличить от управления и контроля вниманием адресата, что важно, когда происходит развертывание длинного текста, как например, в применении принципа выдвижения, когда внутритекстовые акценты делают еще более отчетливой логическую структуру текста. Детальное исследование феномена вербальной манипуляции позволит адекватно реагировать на речевое воздействие и обеспечит информационную и психологическую безопасность адресата речи.

Различие между манипуляцией и убеждением – это различие между открытым и скрытым воздействием. Если риторика (исследовавшая открытое, основанное на аргументах речевое воздействие) демонстрировала свои приемы, то приемы манипулирования не обладают, как правило, даже собственными наименованиями. В отечественной науке советского периода манипулятивные приемы никогда не осмысливались теоретически, напротив, манипуляция осуждалась исключительно как черта западной пропаганды. Назрела необходимость в различении убеждения и манипулирования как противопоставленных форм вербального воздействия и дифференцировании приемов двух этих видов при воздействии на адресата. Манипулятивные практики общения между людьми идут вразрез с базовыми этическими ценностями И. Канта, они разрушают человеческую личность, поскольку человек становится пассивным объектом внешнего управления. С развитием современных средств коммуникации проблемы манипулятивного воздействия обостряются, ср.:

Цитата дня.

Игорь Ашманов, ведущий российский эксперт по IT – безопасности:

Манипуляции в интернете становятся изощреннее!

– Сегодня в Интернете есть страшная «Группа смерти». Например: группа блатной романтики АУЕ (название неформального объединения банд, состоящих из несовершеннолетних), группы романтизации школьных расстрелов («скулишутинга» по-английски). На самом деле кибербезопасность должна волновать и человека, и государство в первую очередь. Когда пароль украли – это полбеды. А вот когда украли мозги – это куда хуже. Манипуляций в Сети сейчас тысячи, и они становятся все изощреннее (Вечерний Ростов, 29 марта 2018 г.).

Сегодня люди хотят знать, каковы скрытые пружины и рычаги воздействия на них, осуществляемые властью, политическими партиями, рекламой, так что на детальное описание манипулятивных приемов есть серьезный социальный заказ.

В случае словаря манипулятивных техник важнейшая предварительная задача состоит в исчислении типичных приемов манипулирования, что само по себе представляет нетривиальную задачу. Один из самых распространенных, известных с древности манипулятивных приемов состоит в навязыва-

нии пресуппозиции: семантическая информация, которая представляется важной говорящему, представляется им не в качестве нового знания, которое требует осознанного и рационального анализа, а в качестве само собой разумеющегося, известного или в качестве условия осмысления сказанного [1, с. 193]. Этот прием еще в античных риториках получил название квезиции. Латинское *quaesitio* – нечестный вопрос, фактически соответствующий двум вопросам, при этом второй вопрос будет корректным только в случае получения положительного ответа на первый и тем самым формирования пресуппозиции, опорной для второго вопроса. Квезиция положена в основу широко используемых в рекламе зачинов: *Знаете ли вы, что нет лучшего средства для стирки (бритья, сохранения молодости кожи, здоровья зубов, утоления жажды и т.д.)*. То есть, когда рекламистом задается вопрос о том, знает ли адресат рекламы что-нибудь о замечательных свойствах того или иного товара, о котором говорится в рекламе, о его преимуществах, долгосрочности, практичности и т.д., то утверждается (но не доказывается, ничем не подтверждается), что все эти выдающиеся качества реально существуют. Ср. также: *Давно ли вы поняли, что «Нескафе» – ваш любимый напиток?* Не менее характерна тактика ложных параллелей: *Александр Пушкин. Российская классика. Майский чай. Нам есть, чем гордиться.*

Назойливое повторение одной и той же информации также относится к манипулятивным приемам, однако в этом случае воздействие осуществляется эксплицитно. Многократные постоянные повторы способствуют успешной онтологизации знаний и оказываются действенным способом воздействия, внедрения позитивного или, напротив, негативного представления об объекте. С трудом верифицируемый, однако весьма частотный манипулятивный прием состоит в умолчании, в устранении существенных информативных фрагментов. Интересно, что в предисловии к своему словарю этикетных формул А.Г. Балакай пишет о важности, о самостоятельной этикетной значимости молчания и умолчания, но отмечает при этом, что включить этот важный материал в словарь не представляется возможным [2, с. 3]. Думаем, что материал манипулятивного умолчания (представляющий значительные текстовые фрагменты с авторскими комментариями) обязателен в словаре манипулятивных техник.

В современной теории лексикографии особое значение придается «настройке» параметров словаря на параметры адресата, принцип адресной ориентированности лексикографических описаний рассматривается как важнейшее свойство словарной работы. Современный словарь в высшей степени социолингвистичен: содержащаяся в нем лингвокогнитивная информация должна быть теснейшим образом связана с определенным хронотопом и социальным устройством. Это в полной мере относится и к словарю манипулятивных техник. Очевидно, он должен показать приемы, использование которых в наибольшей степени может характеризовать определенные дискурсивные практики – политическую, коммерческую и даже социальную рекламу, тексты на упаковках продуктов и т.п. Известно, что для политической предвыборной кампании характерно манипулятивное использование концепта «свой», так называемый «мы-дискурс», когда местоимение первого лица множественного числа оказывается «идеологемой единения», ср.: «...сверхзадача агитационной кампании – объединить народ вокруг кандидата, и... команда кандидата развивает в пропагандистских материалах идеологему единения, в центре которой смысл совместности, поддерживаемый идеологической памятью местоимений» [5, с. 488]. Еще П. Серио отмечал, что активно включаемой в советский политический дискурс единицей было местоимение *мы* [10, с. 71]. Характерно, что «свои» часто обозначаются с помощью пафосной лексики, в приподнятой, торжественной тональности, тогда как для маркирования «чужих» используется лексика сниженная и саркастическая, презрительная тональность, паралингвистически это изображается кавычками [9, с. 113]. То есть для манипулирования могут использоваться в том числе просодия и графика.

Для политического дискурса характерны такие приемы, как смена доминанты информации, при которой второстепенная информация выводится на первый план. Нередко в ход идут полуправда и инсинуация, а также прием диффамации. Как отмечает К.В. Кучеренко [6], в политическом дискурсе происходит подмена денотативного значения коннотациями, используется неточно ориентирующая информация (связанная с использованием слов абстрактной семантики вместо единиц с конкретным значением, гиперонима вместо гипонима). Широко используется воздействие через символы: слова, вызывающие отрицательные ассоциации, отражающие содержание факта, заменяются на нейтральные, абстрактные обозначения. Широко используется эвфемизация.

Особым образом осуществляется манипуляция в жанре интервью. Журналисты – коммуникативная элита (в том смысле, что они говорят, когда другие молчат), и с развитием электронных СМИ влияние журналистов только увеличивается. Нередко в публицистическом интервью вопрос журналиста выполняет властно-утвердительные функции, но при этом скрывается за внешней функцией запроса информации. Специфической особенностью манипуляции как приема воздействия является то, что она относится к средствам косвенного общения. Манипулятивность дискурса не связана с определенными языковыми единицами, манипулятивным делает дискурс, в первую очередь, интенция адресанта, имплицитный характер воздействия в сообщении, социальный контекст общения и конативная (в терминологии Р. Якобсона), или регулятивная функции. Наиболее существенными проявлениями антропоцентризма в современной лексикографии, по мысли Л.А. Каламбет, являются ориентация лексикографов на интегральную, а не дифференциальную модель лексического значения языковой единицы, процесс «энциклопедизации» лингвистических словарей, разработка теории активных словарей, включение такого фактора, как «адресат словаря», в основные компоненты лексикографической деятельности [4]. Одно из кардинальных свойств словаря – его диалогичность, его приближенность к потребностям, с которыми обращаются к словарю различные категории носителей языка.

Современная лексикография должна, конечно, шире, чем прежде, реализовать то положение, что единицей словаря может быть не только слово, но и единица, бóльшая, чем слово – словосочетание, предложение, речение. Создание идеографического словаря манипулятивных стратегий (техник) должно помочь широкому кругу людей, которые нуждаются в знаниях о скрытых приемах влияния, в умении противодействовать вербальной манипуляции. Словарь манипулятивных техник сможет способствовать совершенствованию публичной коммуникации в целом.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. Учебное пособие. М., 2007.
2. *Беляева И.В.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов-на-Дону, 2009.
3. *Девкин В.Д.* О неродившихся немецких и русских словарях // Вопросы языкознания. 2001, № 1.
4. *Каламбет Е.В.* Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии: на материале лингвистических словарей. Автореф. дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
5. *Купина Н.А.* О расширении границ речевой свободы: языковой облик избирательных кампаний 1999 года в Екатеринбурге и Свердловской области // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 2003.
6. *Кучеренко К.В.* Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2013.
7. *Леонтьев А.А.* Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык средств массовой информации. Учебное пособие для вузов. М., 2008.
8. *Лобас П.П.* Тропика, синонимика, топика как средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики): Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
9. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
10. *Seriot P.* Analyse du discours politique sovietique. Paris, 1985.

R E F E R E N C E S

1. *Baranov A.N.* Linguistic examination of the text. Theoretical grounds and practice. Tutorial. M., 2007.
2. *Belyaeva I.V.* The phenomenon of verbal manipulation: linguistic and legal aspects. Rostov-on-Don, 2009.
3. *Devkin V.D.* On the unborn German and Russian dictionaries // Questions of linguistics. 2001, No. 1.

4. *Kalambet E.V.* Manifestations of anthropocentrism in modern domestic lexicography: on the material of linguistic dictionaries. Thesis abstract. Krasnodar, 2007.
5. *Kupina N.A.* On the expansion of the boundaries of speech freedom: the language image of election campaigns in 1999 in Yekaterinburg and the Sverdlovsk region // Russian language today. No. 2. Collection of articles / RAS. Institute of the Russian language of V.V. Vinogradov. M., 2003.
6. *Kucherenko K.V.* Speech manipulative influence in political communication. Thesis abstract. M., 2013.
7. *Leontiev A.A.* Psychology of influence in mass communication // Language of mass media. Textbook for high schools. M., 2008.
8. *Lobas P.P.* Tropes, synonymy, topic as a means of persuasion and manipulation (on the material of texts of socio-political subjects). Thesis. Rostov-on-Don, 2011.
9. *Sheigal E.I.* The semiotics of political discourse. M., 2004.
10. *Seriot P.* Analyse du discours politique sovietique. Paris, 1985.

4 июля 2018 г.